

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович

На реке Чусовой

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Наркисович М.**
На реке Чусовой / Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 84 с.

ISBN 978-5-519-95259-0

ISBN 978-5-519-95259-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

НА РѢКѢ ЧУСОВОЙ.

Очерки весенняго сплава.

I.

По западному склону Уральскихъ горъ сбѣгаетъ много горныхъ рѣкъ и рѣчонокъ, которыя составляютъ главные питательныя вѣтви бассейна многоводной рѣки Камы. Между ними, безъ сомнѣнія, по оригинальности и красотѣ, первое мѣсто принадлежитъ рѣкѣ Чусовой, которая прорыла свое каменистое ложе сквозь скалы и горы на разстояніи нѣсколькихъ сотенъ верстъ. Эта горная красавица представляетъ для судоходства почти непреодолимыя препятствія, и поэтому намъ особенно интересно познакомиться съ тѣмъ, какъ преодолеваетъ это препятствіе простой русскій мужикъ, даже не знающій грамоты.

Свое начало Чусовая беретъ немного южнѣе Екатеринбургъ, сначала течетъ на сѣверъ, а потомъ медленно поворачиваетъ къ сѣверо-западу, пока не впадетъ въ р. Каму выше г. Перми верстъ на двадцать. Сплавная часть Чусовой, т. е. та, по которой возможно судоходство, тянется на 600 в. Средняя часть этого теченія, занимающая верстъ 400, составляетъ самую живописную пелосу Чусовой и кончается какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ проходитъ черезъ рѣку Уральская желѣзная дорога. Здѣсь Чусовая выбѣгаетъ окончательно изъ «кам-

ней», какъ бурлаки называютъ горы, и дальше уже течетъ по низменной равнинѣ, гдѣ берега только иногда поднимаются высокими буграми, и на нихъ, какъ исключенія, попадаются тѣ страшныя прибрежныя скалы, которыя бурлаки называютъ бойцами. Самая красивая часть Чусовой, вмѣстѣ и самая опасная для плывущихъ барокъ; у бойцовъ «бьются» не только барки, но и люди гибнуть десятками.

На всемъ своемъ протяженіи Чусовая представляетъ совершенно пустынную рѣку, гдѣ прибрежныя селенія являются какимъ-то исключеніемъ. Правда, на Чусовой стоятъ нѣсколько большихъ заводовъ и до десятка большихъ пристаней, но для такой большой рѣки этого слишкомъ мало. Случается такъ, что на разстояніи цѣлыхъ восьмидесяти верстъ вы встрѣтите на берегу всего одну деревушку въ пять дворовъ; есть такіе поселки, къ которымъ совсѣмъ не проложено колесной дороги, и жители совсѣмъ обходятся безъ телѣгъ. Вообще, на первый разъ Чусовая производитъ на путешественника тяжелое и даже грустное впечатлѣніе: слишкомъ дико и глухо кругомъ, вѣчно зеленый хвойный лѣсъ придаетъ развертывающимся предъ глазами картинамъ немного печальный, траурный характеръ, а отсутствіе жизни наводитъ на непривычнаго человѣка уныніе. Да и самыя деревни, какія попадаются по берегамъ Чусовой, не отличаются особеннымъ оживленіемъ: высыплютъ гдѣ-нибудь на мысокъ десятка два избъ, — и все тутъ. Картина разнообразится только разбитыми кое-гдѣ по берегу пашнями, маленькими огородами около

избѣ и десяткомъ лодокъ, которыя лежатъ на берегу. Бываетъ и такъ, что изъ лѣсу выглянуть двѣ-три избы, вы ждете слѣдующихъ, а вмѣсто нихъ зеленой щеткой встаетъ безконечный лѣсъ. Заводы, конечно, оживляютъ рѣку, но ихъ слишкомъ мало; затѣмъ остаются пристани, откуда отправляются барки; но пристани оживляются едва на одинъ мѣсяцъ въ году, на время весенняго сплава, а на все остальное время точно засыпаютъ. Вообще, за исключеніемъ весенняго времени, когда вся рѣка вмѣстѣ съ вешней водой точно оживаетъ на всемъ протяженіи, на Чусовой все тихо и смирно, и не сразу замѣтишь присутствіе человѣка на этихъ пустынныхъ берегахъ.

А между тѣмъ, Чусовая имѣла и имѣетъ громадное значеніе для Урала, потому что на ней ежегодно сплавляются больше шести миллионъ пудовъ разныхъ грузовъ: однихъ бурлаковъ на чусовскихъ пристаняхъ каждую весну собирается до двадцати пяти тысячъ человѣкъ *). А въ будущемъ, когда условія судоходства по Чусовой улучшатся, по ея берегамъ, вѣроятно, вырастутъ такія же богатые села, какъ на Волгѣ, Камѣ, Окѣ и другихъ русскихъ рѣкахъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ случилось проплыть безъ малаго всю Чусовую съ весеннимъ караваномъ, о чемъ я и хочу вамъ рассказать.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля мѣсяца, когда на открытыхъ мѣстахъ снѣгъ ужъ стоялъ, и по-

*) Это относится ко времени до открытія Уральской желѣзной дороги.

казалась первая блѣдная зелень, я подъѣзжалъ по самой ужасной дорогѣ къ одной изъ верхнихъ чувсовскихъ пристаней. На Чусовой стоялъ еще ледъ, рыхлый и ржавый; въ лѣсу лежалъ почернѣвшій снѣгъ, но въ воздухѣ уже чувствовалась весна, и съ ней лились волны теплаго весенняго свѣта, заставлявшаго высыпать изъ-подъ прошлогоднихъ листьевъ зеленые усики молодой травы и набухать вѣтви березъ, рябинъ и черемухи. Весна на Уралѣ, какъ и въ другихъ сѣверныхъ или гористыхъ мѣстахъ, наступаетъ быстро, разомъ, такъ что, собственно, пожалуй, и нѣтъ той весны, какая бываетъ на югѣ: переходъ отъ зимы къ лѣту слишкомъ рѣзокъ, какъ и переходъ отъ лѣта къ зимѣ.

Въ первую минуту я не узналъ знакомой пристани, на которой бывалъ нѣсколько разъ лѣтомъ и зимой. Обыкновенно тихая деревушка, съ полсотней избъ, облѣпившихъ крутой берегъ, теперь походила на живой муравейникъ, гдѣ копошились тысячи черныхъ точекъ. Въ воздухѣ тамъ и сямъ слышалась «Дубинушка».

Ой, дубинушка, ухнемъ!

Раззеленая, подернемъ...

Улицы были запружены бурлаками, такъ что экипажъ могъ пробираться только шагомъ. Сейчасъ за деревней, на низкомъ мысу, стояло десятка полтора почти совсѣмъ готовыхъ барокъ; оставалось только кое-гдѣ проконопатить пазы (отверстія между досками) и залить ихъ варомъ. Эта работа была не трудная, и совсѣмъ готовые барки только ждали

момента, когда на рѣкѣ тронется ледъ, чтобы всплыть на вольную вешнюю воду.

— Къ Ермолаю Антипычу,—сказалъ я своему кучеру.

— Ладно...

Моя повозка остановилась у низенькаго, одноэтажнаго дома съ большими окнами, выходившими прямо на рѣку. Я всегда любилъ этотъ низенькій, бревенчатый домикъ, въ которомъ было такъ тепло и уютно, а между фуксіями и геранями, которыя стояли на окнахъ, каждый разъ мелькало розовое, улыбающееся личико маленькой дѣвочки, Любеньки. Нужно сказать, что мы были большими пріятелями. и Любенька звонко встрѣчала меня каждый разъ одной фразой:—«Папа, папа! Городской человѣкъ пріѣхалъ!» Любенькѣ было шесть лѣтъ съ небольшимъ, и она нигдѣ не бывала, кромѣ своей пристани, поэтому я и получилъ у нея названіе «городского человѣка».

— А то какъ же? Вы даже въ Москвѣ бывали и въ Петербургѣ,—говорила дѣвочка, недовѣрчиво поглядывая на меня своими свѣтлыми глазками.— Конечно, городской, а вотъ я—деревенская...

Въ первый разъ, когда Любенька услышала, что я бывалъ въ Москвѣ и Петербургѣ, она долго не хотѣла вѣрить такому чуду: никто изъ пристанскихъ не заѣзжалъ въ такую даль. Москву и Петербургъ можно видѣть только въ книжкахъ съ картинками. Только когда Ермолай Антипычъ убѣдилъ свою маленькую дочурку, что я, дѣйствительно, былъ такъ далеко, Любенька, наконецъ, повѣрила и назвала меня городскимъ человѣкомъ. Впрочемъ, по

выраженію ея глазъ, я иногда замѣчалъ, что она сомнѣвается въ своемъ городскомъ человѣкѣ и производитъ ему маленькій экзаменъ. Особенно дѣвочку смущаетъ то, что я такой же человѣкъ, какъ и всѣ другіе, такъ что пребываніе въ столицахъ не оставило на мнѣ никакихъ видимыхъ слѣдовъ, чѣмъ бы меня можно было сразу отличить отъ всѣхъ другихъ людей.

— Папы нѣтъ дома, — заявила Любенька на этотъ разъ. — Онъ на берегу, гдѣ строятся барки...

— Городской человѣкъ усталъ, Любенька, и хочетъ чаю.

— Сейчасъ я скажу Марѣ.

У Любеньки не было матери, которая умерла года три тому назадъ, и всѣмъ хозяйствомъ въ домѣ заправляла ворчливая, старая Марѣа. Домикъ Ермолая Антипыча раздѣлялся на четыре небольшихъ, уютныхъ комнаты, изъ которыхъ одна была занята кабинетомъ Ермолая Антипыча, въ другой жила Любенька, а двѣ послѣднихъ носили громкое названіе гостиной и столовой, хотя могли быть названы и иначе, потому что въ столовой, наприкладъ, стояла кровать хозяина, а въ гостиной — его длинный письменный столъ. Мебель вездѣ была самая простая, изъ березы и сосны, съ крашеными спинками и тоненькими, точеными ножками. На полу всегда лежалъ тюменскій пестрый коверъ, а на окнахъ бѣлѣли кисейныя занавѣски, которыми Любенька гордилась больше всего, потому что такихъ занавѣсокъ больше ни у кого не было. Особенно хорошо было въ этомъ домикѣ лѣтомъ, когда изъ окна открывался великолѣпный видъ на р. Чусовую, на

стѣснившія ее со всѣхъ сторонъ горы и на безконечный зеленый лѣсъ, который зеленымъ бархатнымъ ковромъ выстилалъ все кругомъ.

— Вы кстати пріѣхали, — говорила Любенька, пока я въ гостиной разминалъ разбитыя дорогой ноги.

— А что?

— Да такъ... Рѣка скоро тронется, будетъ очень весело. Барки мимо насъ побѣгутъ, потомъ свой караванъ будемъ отправлять... Какъ же!.. Изъ пушки будутъ стрѣлять на берегу... Я боюсь, когда изъ пушки стрѣляютъ...

— А когда, Любенька, Чусовая тронется?

— Съ часу на часъ ждуть... Сплавщикъ Илья у насъ вчера чай пилъ и говорилъ, что скоро ужъ. Барки готовы, бурлаки собрались... Да.

Маленькая хозяйка рассказала мнѣ послѣднія пристанскія новости, которыя, главнымъ образомъ, вертѣлись все около того же сплава.

— Спѣга нынче глубоки, — серьезно рассказывала Любенька: — Илья боится, какъ бы дружная весна не ударила... По высокой водѣ много барокъ убьется.

Дѣвочка передавала только то, что сама слышала отъ другихъ, и говорила тѣмъ языкомъ, какимъ говорятъ только на Чусовой. «барка убьется», а не разобьется, потому что для сплавщика Ильи барка—не мертвая посудина, а живое существо; «ударитъ дружная весна», «спѣга выпали глубоки», «рѣка тронется», и т. д.

~~~~~

II.

Едва Марѣа успѣла подать кипѣвшій самоваръ, какъ въ передней послышались голоса Ермолая Антипыча и сплавщика Ильи.

— У насъ городской человѣкъ, папа, — докладывала Любенька, выскочивъ навстрѣчу отца.

— Мы гостямъ рады, — отвѣчалъ Ермолай Антипычъ, появляясь въ дверяхъ.

Это былъ высокій господинъ въ длинномъ сюртукѣ; въ темныхъ волосахъ серебрилась сѣдина, каріе глаза смотрѣли добрымъ, ласковымъ взглядомъ. Я всего больше любилъ, когда Ермолай Антипычъ начиналъ говорить своимъ мягкимъ, груднымъ теноромъ; онъ говорилъ не скоро, а всегда съ разстановочкой, обстоятельно, при чемъ любилъ подшутить, улыбаясь такой доброй, хорошей улыбкой. Изъ года въ годъ Ермолай Антипычъ выписывалъ одну и ту же газету, которую любилъ почитать послѣ обѣда или вечеромъ на сонъ грядущій; развертывая номеръ, онъ добродушно приговаривалъ: — «Ну-ка, посмотримъ, какъ на бѣломъ свѣтѣ добрые-то люди живутъ»... По праздникамъ старикъ доставалъ изъ кабинета гитару и наигрывалъ сначала «Было дѣло подъ Полтавой»... потомъ «Ивушку» и непременно кончалъ чѣмъ-нибудь духовнымъ: «Твоя побѣдительная десница», «Благообразный Іосифъ»... «Духовное» Ермолай Антипычъ всегда сопровождалъ пѣніемъ: голосъ у него былъ хорошій, и старикъ любилъ подъ веселую руку похвастаться, какъ онъ мальчикомъ былъ въ пѣв-

чихъ при одной изъ заводскихъ церквей, и какъ его похвалилъ за хорошій голосъ самъ преосвященный, когда проѣздомъ служилъ въ ихъ заводской церкви.

— Здравствуйте, Ермолай Антипычъ, — здоровался я, пожимая руку хозяина. — Какъ поживаете?

— Чего намъ дѣлается: живемъ съ Любенькой, какъ чирки въ болотѣ. А вы къ намъ на сплавъ?

— Да, хотѣлось бы сплыть на караванѣ до Перми...

— Что же, доброе дѣло: мѣсто найдется. Вотъ я сейчасъ же и передамъ васъ съ рукъ на руки Ильѣ... Гдѣ ты, Илья?

— А я сейчасъ, Ермолай Антипычъ, — отозвался изъ передней Илья: — грязизи ватащилъ на сапогахъ съ улицы-то, надо обтереть, а то всю горницу вашу изведу...

— Да иди, ничего: грязь не сало, — высохло отстало...

— Нѣтъ, это уже не порядокъ! Какъ же можно... Да барышня-то меня въ другой разъ и не пустить въ горницу.

Сплавщикъ Илья, наконецъ, вошелъ въ горницу, помолился въ передній уголъ на образъ и, тряхнувъ подстриженными въ скобку волосами, поклонился на всѣ три стороны, хотя въ горницѣ кромѣ насъ троихъ никого не было. Это былъ небольшой, сухонькій старикъ съ козлиной темной бородкой, вылѣзавшей поверхъ синяго, сермяжнаго кафтана клинушкомъ; худое желтоватое лицо Ильи не отличалось ничѣмъ особеннымъ, за исключеніемъ глубоко ввалившихся, необыкновенно живыхъ, сѣрыхъ

глазъ, которые смотрѣли на все рѣжущимъ, прищуреннымъ взглядомъ. Короткія, кривыя ноги Ильи ступали медленно и крѣпко, точно шагаль какой богатырь; сгорбленная спина и вытянутыя, длинныя руки дѣлали его фигуру очень некрасивой на первый взглядъ, но такія спины и руки бываютъ только у тѣхъ тружениковъ, которые работаютъ, не жалѣя себя.

— Ну, здорово живете, — проговорилъ Илья, разставляя широко ноги и засовывая одну руку за красную шерстяную опояску, которою былъ перехваченъ его синій кафтанъ.

— Здравствуй, Илья... Садись, такъ гость будетъ.

Мы просидѣли за чаемъ незамѣтно цѣлый часъ; разговоръ шелъ все время о Чусовой: когда она тронется, да какъ высока будетъ вода нынче, да не ударила бы дружная весна, и т. д. — по пословицѣ: у кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Такіе разговоры въ квартирѣ Ермолая Антипыча, вѣроятно, происходили въ послѣднее время изо дня въ день, но они никому не надоѣдали, какъ не надоѣдаетъ музыканту говорить о музыкѣ, охотнику — объ охотѣ, актеру — о театрѣ. Даже Любенька не находила этихъ разговоровъ скучными и вставляла въ нихъ тоненькимъ голоскомъ свое дѣтское словечко. Илья любилъ «испить чайку», и пилъ стаканъ за стаканомъ, пока оставалась вода въ самоварѣ, при чемъ, какъ мышь, отгрызалъ свой кусочекъ сахару и постоянно стряхивалъ крошки съ него себѣ въ блюдечко; старая Марѳа всегда сердилась на старика за его «апекить» къ